

Поднявшийся во весь рост

Владимир
СЕВРУК

Театральный пролог

В пятидесятые годы в БГУ существовал студенческий театр. Располагался он на первом этаже биофака. В левом крыле, если стоять лицом к входу. Уникален был вестибюль. Справа — гардероб. Слева — доступнейший буфет. С девяти утра здесь, впрочем, как в любом европейском университете, продавали в розлив веселящие напитки. Из автомата. Дернет буфетчица за рычажок, и в стакан плюхается пятьдесят — сто граммов «сучка» или настоящей марочной мадеры. И стоила обжигающая «огненная вода» (сто граммов) три рубля семьдесят четыре копейки, а мадера — вдвое меньше. И сорок три копейки стоил горячий «микояновский» пирожок с фаршем из потрохов с луком. Так назывался студенческий деликатес — по фамилии министра внешней торговли СССР Анастаса Ивановича Микояна. Он закупил по дешевке тьму пирожковых автоматов в Америке. А уже в Союзе оборонщики наладились производить легкие тележки-термосы на колесиках. И они манили дразнящим аппетитным запахом на всех людных перекрестках поднимавшегося из развалин Минска. А стипендия у студента БГУ на первом курсе была 290 «сталинских» рублей, на пятом — 395. В «хрущевском» измерении — это соответственно: 29 и 39,5 рубля. Но горячих пирожков по 4,3 копейки при Хрущеве уже не было. Тогда, в пятидесятом, на свою стипендию традиционно голодный первокурсник мог слопать аж 674 горячих пирожка, то есть по 22 сытных и вкусных пирожка в день. Замечу только, что «закосевших» с утра я не помню за все пять лет учебы. Не принято это было у тогдашнего студенческого сообщества. Хотя отдельные нетипичные доценты и профессора иногда «лечились» у стойки.

Студенческий театр пользовался в университете огромной популярностью. И попасть туда даже за доступный пятидесятикопеечный билет было очень не просто. А звездой театра был студент журфака Володя Бровиков. Конечно, для университетских красавиц. Но мужская половина тоже уважала его талант. Рослый, подтянутый, с обворожительной улыбкой, он шествовал по университетским коридорам под обожающими взглядами многочисленных поклонниц. Хо-

Владимир БРОВИКОВ.

тому с вальяжностью старшекурсника (аж на целый курс!) протянул Володе четвертной.

Вообще-то знакомство было мимолетным. Жизнь разбросала нас. Я оказался на комсомольской, потом — на журналистской и партийной работе в Магадане, Володя — в оршанской объединенной газете, потом — в парткоме. Судьба снова свела нас через полтора десятка лет в Москве, в аппарате ЦК КПСС. Да и жили мы несколько лет в одном доме, в одном подъезде, на улице Алабяна возле станции метро «Сокол».

Об Абхазии и арбе с университетом

Ближе мы сошлись, когда вместе занимались так называемой абхазской проблемой. История ее малоизвестна. Поэтому вкратце расскажу о ней. В шестидесятые — семидесятые годы в ЦК КПСС потоком шли письма из Абхазии о грубом ущемлении национальных прав абхазов со стороны грузинского партийного руководства. Завозными тбилисскими партократами вытеснялись абхазские национальные кадры, особенно на курортном побережье. В загоне оказались язык и культура народа. Не было национального учебного заведения. Хирела экономика. Была еще одна историческая заковыка. Абхазское княжество в XVIII веке вступало не в состав Грузии, а в состав России. И в советское время при своем образовании Абхазская ССР присоединилась к РСФСР как самостоятельная союзная республика. Когда Берия был партийным руководителем всего Закавказья, он сумел низвести статус Абхазии до автономной республики в составе Грузии.

тя, справедливости ради, замечу, что был он до дней своих последних застенчивым однолюбом.

И познакомились мы после спектакля по горьковскому «На дне» в заветном для студенческой души буфете. Володя хватанул прямо у стойки долгожданные после изматывающих двух с половиной часов на сцене живительные сто граммов и со вкусом стал заедать их горячим «микояновским» пирожком. Но вдруг лицо его помрачнело. Он начал обшаривать свои карманы и стал еще грустнее. «Деньги забыл», — как-то враз скис он. Я стоял рядом, был даже богат, потому что подрабатывал тренером по плаванию и сотрудничал на областном радио, да и стипендия у меня была повышенная. Поэ-

В 1974 году абхазская общественность пошла на решительный и необычный шаг. Были закуплены все билеты на концерт Муслима Магомаева. Уважаемого и любимого артиста поблагодарили за приезд и отправили отдыхать в уютную гостиницу. А в зале собрались тайно избранные делегаты съезда абхазского народа. И единогласно приняли решение о выходе Абхазии из состава Грузинской ССР и вступлении в состав РСФСР.

В Москве и Тбилиси разразилась буря. Мы с Владимиром Игнатьевичем Бровиковым были включены в состав рабочей группы, готовившей предложения по выходу из возникшего кризиса, и вылетели в Тбилиси. И там я убедился, в какого солидного, проницательного и принципиального политика вырос мой земляк и университетский товарищ.

Мы встретились со всеми верховоидшими тогда в Грузии политическими князьками. Вещали они темпераментно и подолгу. Но будто сговорившись, сначала страстно проклинали «абхазских сепаратистов», кое-кто доказывал, что и нации такой нет, и истории никакой у Абхазии нет. Так, диковатое племя... Пугали гражданской войной. Связями исконно православных христиан-абхазов с... Турцией (!). И другими надуманными страшилками. И требовали, требовали репрессий и даже применения силы. К слову сказать, через двадцать лет разгулялись по полной программе. И Сухуми сожгли, и Абхазию разграбили, и стравили в кровавой междоусобице братские народы.

Бровиков слушал всех внимательно и терпеливо. Не комментировал ни одной, даже очевидно вздорной глупости, но ничто существенное не прошло мимо его внимания. Больше же всего запомнилось его итоговое выступление.

Сказал он примерно следующее: «Все ваши разговоры о репрессиях и тем более применении силы оставьте при себе, а лучше навсегда забудьте. Я их не поддержу и в свои предложения в проект решения ЦК никогда не включу. Во-первых, нужно создать современную экономическую базу в Абхазии, чтобы народ мог продуктивно трудиться, хорошо зарабатывать на жизнь и овладевать современными технологиями. (И пошутил: на арбе в коммунизм не вьедешь.) Во-вторых, и это — главное, весь тбилисский десант на руководящие должности в Абхазскую республику, особенно на курортное побережье, надо вернуть домой, а управлять в Абхазии должны сами абхазы. В-третьих, надо создать институт истории, культуры и языка Абхазии и придать ему статус научного филиала, а может быть, и отделения Академии наук СССР, открыть Абхазский государственный университет, толстый литературный журнал на абхазском языке, учредить абхазское телевидение, установить квоту для абхазской молодежи для поступления в самые престижные московские вузы, особенно творческие, за счет общей квоты Грузинской ССР. Открыть спецшколу с углубленным изучением русского языка для абхазских юношей, желающих поступить в высшие военные училища и академии Вооруженных Сил СССР, переучить в Московском институте усовершенствования врачей всех абхазских докторов из сельской глубинки. Обеспечить абхазских школьников, наконец, горячими завтраками, в горных селениях — бесплатно. Построить современную типографию и новый редакционный корпус». (К слову, когда мы приехали в Сухуми, то оказалось, что республиканская национальная газета набирается вручную из деревянных наборных касс, а печатается на агрегате, изготовленном в 1894 году и приводимом в движение ногами.)

«Князьки» от таких выводов и предложений просто онемели.

В. Бровиков с огромным упорством пробивал свои предложения и неожиданно заслужил лестную похвалу немногословного и скрытного Михаила Суслова, который на заседании Секретариата ЦК заметил: еще молодой, а какой настойчивый, главное — ни под кого не подлаживается.

Потом Владимир Игнатьевич вернулся в Минск. Сначала был избран вторым секретарем ЦК компартии Белоруссии, а затем назначен председателем

правительства БССР. В те годы мы были связаны общим профессиональным интересом и старались по максимуму обеспечить, как говорят дипломаты, режим наибольшего благоприятствования развитию белорусской журналистики. Возводились редакционные корпуса и типографии, открывались новые республиканские издательства, газеты и журналы, было создано отделение телевидения и радиовещания на журфаке. И это далеко не все, чем мы тогда дружно вдвоем занимались. Все такие решения проходили через ЦК компартии республики и ЦК КПСС, а потом оформлялись правительственными постановлениями.

Как Горбачев с гоп-компанией менял пол и потолок местами

Потом Володя уехал послом Советского Союза в Польшу. Годы были непростые. В Польше сохранялся режим военного положения. У нас, по меткому выражению выдающегося философа современности Александра Зиновьева, бушевала «катастрофка». И вот в конце февраля 1987-го я оказался в Польше в составе делегации КПСС на идеологическом совещании братских партий социалистических стран. Делегацию же возглавляли печально известные сейчас сознательные гробовщики и социалистического содружества, и братских партий, и КПСС (чем они сейчас бесстыдно хвастаются) А. Яковлев и В. Медведев.

Не буду врать, хотя некоторые деяния и заявления верхушки партии во главе с Горбачевым и вызывали у меня протест, я еще находился в плену перестроечной эйфории. И ей суждено было во многом развеяться именно в те стальные февральские дни. Тогда меня просто ошеломили выступление на совещании члена Политбюро ЦК Социалистической единой партии Германии Курта Хагера и несколько бесед на посольских дорожках с Владимиром Бровиковым.

Курт Хагер был одним из опытнейших, образованнейших и вместе с тем закаленных в классовых битвах и гитлеровских застенках деятелей международного коммунистического движения. Внешне он не сказал ничего особенного, не произносил, как Яковлев, выпренных клятв (типа: великий Ленин в нашей душе, в нашем мозгу и в нашем сердце!). Курт Хагер с точностью до деталей спрогнозировал логическое завершение «обновления социализма» и показал технологию участия Запада в этом «обновлении». Вот выписка из моего блокнота, снятая с диктофонной ленты: «Когда нам дружно рукоплещут матерый антикоммунист Збигнев Бжезинский и папа римский, когда подрывную радиостанцию ЦРУ в Западном Берлине именуют «Гласность», а некоторые советские товарищи, выступая на радио «Свобода», вслед за Рейганом называют свою великую советскую страну «империей зла», я не могу не повторить старика Августа Бебеля: «Какую же глупость или подлость мы совершили, если нас стал хвалить классовый враг?»

В зале наступила мертвая тишина. Хагер продолжал очень остроумно и язвительно: «Советские товарищи затеяли капитальный ремонт в своем доме. Что ж, это их право. Но непонятен проект. Похоже, они задумали поменять местами пол и потолок. Во всяком случае многое уже делается для реализации этого экстравагантного проекта. Но если на головы обрушится бывший пол, то и бывший потолок провалится... И я не могу сказать, что это опять-таки дело только советских товарищей. Как бы нам всем в таком случае не оказаться на развалинах социализма, который бесконечно дорог сотням миллионов людей на всей планете... Печально, что советские товарищи, нарушая нормы взаимоотношений с братскими партиями, пытаются делить наших коммунистов, в первую очередь руководя-

шие партийные кадры, на «сторонников перестройки» и «консерваторов», «сталинистов» и «вечно вчерашних». Мы вынуждены были запретить распространение в ГДР советского журнала «Новое время» на немецком языке, потому что его публикации мало чем отличаются от публикаций изданий Акселя Шпрингера.

Мы слишком долго и в упорной борьбе возводили на германской земле социалистический дом, чтобы теперь разрушить его своими же руками. Нет! И еще раз нет!» Так и запомнилось прозвучавшее по-немецки непоколебимое: «Найн!»

Как в воду глядел товарищ Курт Хагер. Прошло чуть больше двух лет, и иуда Горбачев со своей компанией, включая и военных товарищей с большими звездами на погонах и мундирах, сдали и ГДР, и все европейские социалистические страны, помогли запрятать в тюрьмы или загнать в могилу их политических лидеров, сдали их вооруженные силы, органы государственной безопасности, все военные тайны и секреты, безропотно отказались от своих экономических прав и собственности, а главное — плюнули в душу миллионам и миллионам наших сторонников и военных союзников. А такое в истории не прощается. Никогда и никому.

С полным текстом документа можно ознакомиться в библиотеке